

ВИТАЛИЙ ФЕДОРЕЕВ

ТАЙНА БРОШЕННОГО ШУРФА

РАССКАЗ

Летом 1960 года я, учащийся Магаданского горно-геологического техникума, проходил преддипломную практику на одном из многочисленных участков крупного прииска в центре “золотой” Колымы.

В те годы состав жителей Магаданской области, до недавнего времени называвшейся просто Колымой и представляющей собой гигантскую организацию НКВД–МВД–“Дальстрой”, уже сильно изменился по сравнению с тем, что я застал, прибыв на Колыму в 1950 году, еще при жизни Сталина и Берии. Сначала амнистия, а затем реабилитация дали возможность многочисленным бывшим зэкам покинуть пределы Колымы. Появилось много “свежего” народу, специалистов и рабочих, в том числе женщин. Однако оставались еще и те, которым ехать не к кому и некуда.

“Свежие” жадно впитывали и распространяли многочисленные колымские истории, нередко искажая их и придавая историям более ужасное и невероятное содержание. Хотя, казалось бы, что может быть трагичней судьбы заключенных на Колыме?

Надо сказать, что бывшие заключенные, отсидевшие долгий срок на Колыме, не особенно бывали расположены к воспоминаниям. В роли бывалых обычно выступали те, кто только-только захватил закат “Дальстроя”, большей частью бывшие бытовики или уголовники.

ФЕДОРЕЕВ Виталий Николаевич родился в 1941 году в Приморском крае. Окончил Томский государственный университет как инженер-геолог. С 1961 года по настоящее время работает на Камчатке. В настоящее время — руководитель филиала ФГУ “ТФГИ по Дальневосточному Федеральному округу”. Более 20 лет занимается учетом и обобщением информации по минерально-сырьевым ресурсам Камчатки. Автор нескольких десятков статей. Ветеран труда, ветеран геологической службы Камчатки, Почетный разведчик недр.

Чем дальше уходили в прошлое времена “Дальстроя”, тем больше появлялось колымских историй. Отчасти этому способствовали первые, правда, еще робкие публикации о тех страшных годах. Но скорее, это явилось следствием развенчания культа личности, когда люди поверили, что прошлое не повторится и о нем можно говорить без утайки.

На участке, где я проходил практику, работали, в основном, “свежие”, прибывшие по договору на три года подзаработать денег. Правда, среди горного надзора (инженерно-технических работников) оставалось несколько человек, захвативших последние годы “Дальстроя”, но таких были единицы. Видимо, через них и передавались истории Колымы, которые они сами у слышали по приезду. Интерес к старожилам был большой и постоянный.

Особняком среди этой категории людей стоял Копченый, числящийся контрольным промывальщиком на разведке россыпей. Копченым его называли за глаза, между собой. Фамилии его я уже не помню а обращались к нему все по отчеству Федотыч. Небольшого роста сухонький мужик неопределенного возраста, лицо темно-коричневого цвета, изборожденное многочисленными морщинами, напоминало печеное яблоко. Задубленное морозами, ветрами, снегом, оно, казалось, на всю жизнь сохранило весенний снежный загар. Ни бороды, ни усов Копченый не носил. Небольшие темные глаза колочье глядели из-под седоватых бровей. Передвигался он легким, на редкость бесшумным шагом. Ни камешек не выкатится из-под его ног, ни веточка не хрустнет.

О том, что он далеко не молод, свидетельствовали морщины на лице и руки, скрюченные ревматизмом от постоянного пребывания в холодной воде, с узловатыми пальцами.

Копченый слыл живой легендой Колымы. Говорили, что попал он сюда в страшные тридцатые годы по политической 58-й статье. Отсидел десятку, да так и остался. Итээровцы в разговорах нередко вспоминали о многочисленных россыпях, найденных в сороковых годах Копченым. Если бы такое количество россыпей и с таким золотом обнаружил вольный геолог, он давно бы стал героем и лауреатом Сталинской премии. Копченый же был эком, но, как поговаривали, на его находках многие сделали себе славу и карьеру. То, что Копченый не только не получил награды за свои россыпи, но и не был досрочно освобожден (а такое иногда практиковалось в “Дальстрое”), связывали с какой-то загадочной историей, где фигурировали то ли японские шпионы, то ли белогвардейцы. Как водится в таких случаях, каждый домывливал свое, а правды не знал никто. Ибо свидетели-сослуживцы Копченого либо давно умерли, либо, освободившись, тут же выехали на материк. Сам же Копченый был человеком весьма неразговорчивым и на расспросы не отвечал.

Что поддерживало легенду, не давало ей забыться, так это умение Копченого обращаться с промывочным лотком. Когда Копченый промывал породу, а это случалось в последнее время нечасто, все, кто находился поблизости, сходились посмотреть на это чудо. Деревянный лоток, наполненный галькой, гравием, песком, суглинком, вертелся в его руках как волчок. Постепенно Копченый сбрасывал, успевая просматривать, крупную гальку и гравий. Вода светлела, и вот в узкой канавке лотка, специально обожженного, чтобы хорошо было видно золото, среди темно-серого шлиха начинали блестеть золотины. Скорость промывки невероятная. Казалось, что при таком темпе в лотке не должно остаться ни одной песчинки. Тем не менее, каждый раз в канавке лотка оставались мелкие и крупные золотины. Копченого не раз пытались подловить, подбрасывали в породу, в лоток золотины, дробинки, и каждый раз убеждались, что золото у Копченого с лотка не сойдет.

Особенно не любили связываться с Копченым горняки-эксплуатационники при отработке полигонов. Стоило им возмутиться, что геологи завысили содержание золота, что при промывке оно не отходит на массу, как геологи создавали комиссию по контролю, в которую обязательно включали Копченого. Рассказывали, что Копченый не занимался переговорами, его доказательства оказывались просты и неопровержимы. Он брал несколько проб из отвалов (промывтой породы) и обязательно находил золото. Эксплуатационники сникали, ругали качество промывочных приборов, ужесточали надзор за подачей воды и горной массы, стараясь не допустить потерь.

Отличала Копченого одна странность. Ежегодно, в начале сентября, когда тонкий ледок сковывал воду и многочисленные стаи птиц уносились на юг, покупал он ящик шампанского, закрывался в своей каморке в бараче и не выходил оттуда, пока не опорожнял все бутылки. Об этой странности знали все, кто работал с Копченым больше года. Начальство его не ругало, засчитывая ему эти дни за отпуск, тем более Копченый и не знал, что такое отпуск. Он работал и работал. В обычные дни Копченый не пил. Возможно, он и выпивал, но ни выпившим, ни тем более пьяным его никто никогда не видел. После такого “шампанского” запоя он выходил из каморки нетвердой походкой, бледно-коричневый, несколько дней приходил в себя, а затем трудился как обычно.

В последние годы начальник разведучастка стал тревожить его меньше, посылал переопробовать (проконтролировать) только в редких случаях. Но Копченый нередко сам приходил на полигоны либо на разведку, иногда быстро промывал несколько лотков, затем садился у костра и долго курил, пил чифирь и молчал. Знакомые мне парни рассказывали, что они часто в такие минуты пытались разговорить старика. Но он отмалчивался, отвечал односложно и неохотно, особенно если это не касалось работы, а затрагивало его прошлое.

Наверное, я так никогда бы и не услышал легенды, о которой сейчас хочу рассказать, если бы однажды к нам на разведку не забрел Копченый. Все мы знали, что он любит плиточный табак и чифирь, тоже плиточный. Я недавно вернулся с прииска, где приобрел для бригады продукты. Впрочем, на чаевку у нас всегда был запас.

Так вот, как-то под вечер старик тихо и незаметно появился у нашего костра. Я упаковывал промытые пробы и заносил данные в журнал, бурильщик и помбур одного из станков и мой промывальщик пили чай. Увидев Копченого, все повскакивали, уступая ему место, быстренько заварили чифирь, угостили табаком. Заметив Копченого, подошли бурильщик и помбур от второго, стоявшего недалеке, станка.

Не знаю, как уж получилось, но спустя некоторое время я робко попросил Федотыча рассказать что-нибудь из его прошлой жизни. Копченый помолчал, а затем совершенно неожиданно для всех сказал:

— Однако, расскажу вам одну историю, только сам уже не знаю, было это все, или мне просто показалось.

Мы притихли. Копченый аккуратно пошевелил костер, подбросил в него несколько палочек. Потом я много раз убеждался, что охотники, оленеводы, люди, проводящие на природе много времени, не разжигают больших костров. Небольшой костерок, способный закипятить чайник или котелок, дающий вечером немного света, — такой костерок тлеющих красных углей и греет и сближает сидящих. Большие костры — это костры туристов.

Вот и в тот раз у мерцающего костерка, в тихий августовский вечер, мы приготовились слушать рассказ Копченого. Вот он:

— На Колыму я попал в тридцать восьмом году. До войны и в первый год войны начальство лагерей делало все, чтобы мы не выжили. Голод, холод, тяжелая работа. В лагерях везде верховодили уголовники, резали, убивали, избивали, просто глумились над теми, кто сидел по пятьдесят восьмой статье.

Этапы приходили на Колыму каждое лето, с началом навигации. Заметно народу добавилось после тридцать девятого года за счет привозимых из западных областей Украины, Бессарабии, затем — из Прибалтики. Но с ними было трудно сойтись, многие из них не знали или плохо понимали порусски. В большинстве своем они, как, впрочем, и многие из нас, считали, что они-то сидят ни за что, а все рядом враги, убийцы.

Начальство всячески поощряло национальные разногласия, давило политических и давало поблажку уголовникам. Лозунг “Преступный класс сам себя уничтожит”, из какого-то выступления Сталина, висел в каждом лагунке. Однако с началом войны обстановка несколько изменилась. Хотя в первые месяцы и перестреляли многих политических, затем убивать стали реже,

людей не хватало. Фронт забрал многих, с “материка” этапы стали приходиться не такие многочисленные. Кое-кто из вольных ушел добровольцем, хотя почти все на Колыме имели “бронь”.

Короче, людей стало не хватать. А план по добыче золота увеличивался. В геологоразведочные партии, занимающиеся поиском и разведкой россышей, стали отпускать заключенных. Тех, кто был грамотным, переводили на итэ-эровские должности. Геологи организовали учебно-курсовой комбинат и стали готовить коллекторов, прорабов-поисковиков. Повезло и мне. Попал я в курсовой комбинат, окончил его, год проработал коллектором, а сезон 1943 года, как сейчас помню, начал прорабом-поисковиком. Надо сказать, промывать я научился быстро, и это у меня получалось. Кое-какие знания, полученные в курсовом комбинате, позволяли ориентироваться в геологии, геоморфологии. В общем, стал я геологом.

1943 год запомнился мне не только потому, что стал я прорабом-поисковиком. Шла война. Наши разбили немцев под Сталинградом. Нужны были не только люди, но и вооружение. А для этого требовалось золото, много золота. И давала его стране Колыма в громадных количествах. Начальство, отправляя геологоразведочную партию в поле, отдавало приказ: найти россыпи с промышленными запасами золота. За невыполнение задания-приказа начальник партии мог получить срок, заключенные — добавочный. Невыполнение задания рассматривалось как саботаж, вредительство.

Так вот сезон того 1943 года получался у нас неудачным. Опоисковали мы вдвоем с рабочим-промывальщиком все ручьи на нашей территории, а россыпи нет. Начальник партии ходит мрачный — другие поисковые отряды тоже ничего хорошего не нашли. Мелочевка всякая есть, а стоящей россыпи нет.

Однажды в конце лета промыли мы один ручей, вышли к другому. Смотрим, а ручья-то нет. Руслó сухое. Долина довольно широкая, протяженная, но ручей высох. Прошли дальше, вниз по течению. Шли долго, пока добрались до воды. Свечерело. Была у нас лошадка, на которой перевозили мы весь свой нехитрый скарб. Брезент, на случай дождя, оленьи кукули (спальники), немного продуктов.

Развьючили мы лошадь, соорудили навес, развели костер, ждем, пока сварится полусуп-полукаша. Продукты-то были на исходе, да и не баловали нас ими. Рабочий, утомившись за день, уснул, не дождаввшись ужина. Тяжелый выдался денек у нас. Много породы промыли, расчисток накопили. Сижу я у костра, рядом лошадь пасется, похрапывает, тоже наголодалась за день. Незаметно опустилась ночь. Тишина, небо звездное, темень. От реки туман наползает. Подбросил я хворосту в костер, чтобы быстрее чай закипел. Поднимаю голову и вижу, со стороны реки в нашу сторону движется огонек — не огонек, свет какой-то бледно-зеленый, в облаке. А кругом тихо, лишь работага слегка похрапывает да постанывает во сне.

Сперва подумал, что показалось мне, потом смотрю — огонек все ближе и ближе. На фонарик не похоже, да и у кого из наших тогда фонарики-то были. Огонек-облачко исчез за кустом и, пока я думал: будить напарника или нет, появился напротив меня, на той стороне у костра. Вгляделся я и замер. В белом облачке человек зеленым светом светится. Неслышно так придвинулся тот светящийся человек к костру, присел на корточки и похоже, что даже руки к костру протянул погреть. При этом даже веточка не хрустнула, тихо все.

Сидит этакая светящаяся бледно-зеленым светом фигура человеческая в белом облачке, смотрит в костер и молчит. Хоть и оцепенел я от страха, но смотрю на него во все глаза. На нем шапка-треух, шубейка — не шубейка, зипун какой-то, на ногах что надето — не разглядел. Фигура человека дрожит, колеблется. Сквозь него вроде бы кусты просматриваются, жутко мне стало, а рта открыт не могу, все смотрю на него. Не знаю, сколько времени прошло, но как-то оцепенение с меня спало. Вот я осмелел и говорю ему: “Ты бы, мил человек, поел бы чего или чаю попил бы”. Похоже, что услышал он мой голос, поднял голову, посмотрел на меня. Лицо худое, давно не бритое, волосами заросшее. Глаза в упор на меня смотрят. Причем весь

он просвечивается. Мне аж неприятно стало. И говорит. Тут я не берусь утверждать, что голос его слышал, но слова его прямо входили в меня: “Спасибо, добрый человек, за предложение. Давно я уже не ем и не пью. Вот ежели запах понохать каши твоей, да руки о кружку чая погреть”. Я мигом положил ему полукаши-полусупа, налил чаю. Подаю. А он мне говорит... То есть, чувствую я, что говорит он, но звука не слышу. “Ты поставь, добрый человек, миску-то и кружку”. Поставил я миску перед ним, рядом кружку.

Наклонилась фигура к миске, как бы нюхает, а руки алюминиевую кружку мою обхватили, поглаживают. Мы помолчали. Потом поднял пришелец на меня голову и говорит:

— Значит, золотишко ищите? Ну и как, много нашли?

— Да уж какое тут золотишко, — отвечаю я, — нет его тут.

— А зачем тебе золото, разбогатеть хочешь? — снова чувствую я его вопрос.

— Ты что, с Луны свалился? О каком богатстве речь? Война ведь идет, немец полстраны захватил!

— Да ну! — удивился мужик. — Это какой-то немец, с которым в четырнадцатом году воевали?

— Нет, это другой. Фашисты это. Гитлер у них вождь.

— Не знаю таких, видно после меня они появились, — сказал незнакомец. — Год-то какой нынче?

— Девятьсот сорок третий, — отвечаю.

— Ух-ты, почти двадцать лет пролежал в земле, — проговорил мужик удивленно и перекрестился.

Привидения-то не крестятся, — подумал я, но и принять его за живого человека не могу, потому как он прозрачный, из света образ.

— Золотишко-то тут есть и много его. Просто найти вы его не смогли.

— Как это найти не смогли? — возмутился я. — Уж если бы оно было, я обязательно бы нашел! Ежели ты такой знающий, то укажи, где искать.

Пришелец опять внимательно посмотрел на меня, помолчал и говорит.

Вот убейте меня, не помню я его голоса. Был ли он или нет. Сам-то я говорил, это уж точно. А говорил ли он — не уверен. Но то, что разговаривали мы с ним и понимали друг друга, — это было. Тогда он и говорит:

— Не дано вам пока все золото, что тут есть, найти. Но я тебе помогу, если выполнишь мою просьбу.

Жутковато мне и без того было, а тут еще подумалось, а вдруг душу мою запросит? А он продолжает:

— Просьба-то простая — схоронить меня по-христиански. Чтоб не мучился я так бесприютно.

— Это мы можем. Да только как тебя похоронить, коль ты бестелесный?

— Погоди, — говорит мужик, — все тебе расскажу, только ты уж слова своего не забудь. Побожись, что выполнишь.

— Вот те крест святой! — сказал я и перекрестился. Хотя за эти годы, проведенные на Колыме, уже и в Боге и в чёрте разуверился.

— Ну, смотри же, — вновь предупредил человек и, помолчав, начал рассказывать: — В двадцать пятом году это было. Наткнулись мы тут с напарником на хорошее золото. Я-то в шурфе сидел, а он бадью с породой принимал. Золотого песка намыли уже прилично. К тому же наковырял я немного самородков с ноготь величиной и положил их сверху породы в последнюю бадью. Как только напарник мой самородочки-то увидел, схватил их и бадью с породой и бросился промывать. Видно, хорошее золото он намыл, только подошел потом к шурфу, а шурф глубокий, метров девять был, и кричит мне: “Ты посиди тут, Дмитрич (меня Дмитричем кликали), покарауль золотишко-то”. Сказал так и стал выдергивать крепь устья шурфа. Меня живого в шурфе и засыпало. Что с напарником моим стало, я не знаю. Может, богатым теперь где-то живет. Только мучаюсь я с тех пор тяжко. Людей-то долго в этих местах не было. А находится шурф тот на левой стороне долины ручья, который теперь высох. Вы проходили его, верет пять-семь отсюда. Россыпь там знатная. Но ты помни, допрежь меня не схороните по-христиански,

золота не ищите. А не выполнишь мою просьбу, буду являться я тебе всю жизнь твою.

Сказал так, поднялся и пошел прочь от костра. Не успел я сообразить, что ответить, как исчез он, будто его и не было. Растолкал я промывальщика, рассказываю ему, что со мной приключилось. А он смеется:

— Это тебе приснилось, давай лучше поедим, проголодался я ужасно.

Поели мы. Конечно, ни о каком сне для меня не было и речи. А промывальщик мой, поев, улегся поудобнее и снова уснул.

Едва рассвело, разбудил я его, стали собираться. Как узнал он, что мы возвращаемся назад, возмутился, мол, понапрасну время теряем. Продуктов и так нет, а до базы партии еще топать и топать. Однако пошли мы. Хоть мы с ним оба были заключенные, но я-то был для него начальник.

Назад шли молча, но споро. Словно магнитом тянуло меня. Шурф нашли сразу. Он сохранился довольно хорошо, хотя устье его частично разрушилось и осыпалось. Из глубины тянуло сыростью и холодом. Небольшой холмик отвала зарос травой. Потом, уже когда внимательно осмотрелись, увидели следы стоянки людей: кострище, рубленые палки, бревна крепи, подстилевшее тряпье.

Напарник мой забеспокоился. Хоть и не верил он моему ночному рассказу, но находка брошенного шурфа его озадачила. Не разводя костра и не попив чаю, мы нагребли породы из отвала шурфа, сложили в мешки, погрузили на лошадь и двинулись к реке. В первой же пробе обнаружили знаки золота. Так как отвал шурфа был из верхних горизонтов, а золотоносный пласт, по рассказу Дмитрича, так я стал его про себя величать, был где-то на глубине шести-семи метров, то отсутствие хорошего золота меня не смущало. Обнадеживало уже и то, что на глубине первых метров встречались хорошие знаки золота. Потом начали готовить к раскапыванию шурф. Сначала укрепили устье. С этим пришлось долго повозиться: стенки оплыли, осыпались. Да и крепи нету. Промерили глубину. Оказалось около пяти метров. Бросили в шурф горящую бересту — определить, не загазован ли? Осторожно по веревке я спустился в шурф и набрал в мешок породы со стенок. Сходили, промыли. Даже в этой небольшой пробе золото было весовое.

Затем разметил я поисковую линию через всю долину ручья. Порешил так: пойду на базу, сообщу начальству, а промывальщик в это время пусть начинает копать шурфы до глубины двух с половиной метров. Глубже копать одному уже неудобно. Да и без крепи устья опасно, завалить может.

Промывальщик мой ни в какую не хотел оставаться один. Что-то его пугало. То ли боялся, что оставлю я его здесь одного и не вернусь, то ли, вспоминая мой рассказ, страшился появления Дмитрича. Только угроза отправить его опять в зону, в лагерь заставила его подчиниться. Оставил я ему весь наш скарб, остатки продуктов, сел на лошадку и поехал на базу партии.

Начальник встретил меня вопросом:

— Нашел?

Рассказал я ему, что зацепились мы, похоже, за россыпь. Но поздно, и вдвоем ничего сделать не успеем. О встрече со светящимся незнакомцем я начальнику не сказал. Чем больше проходило времени, тем больше мне верилось, что все это мне привиделось во сне.

Действия начальника партии были быстры и решительны. Судя по тому, что через два дня почти вся партия снялась с места и отправилась на наш сухой ручей, ни один отряд в этом сезоне не нашел стоящей россыпи.

Своего промывальщика я не узнал. За неделю, что меня не было, он, похоже, ничего не ел. О работе и говорить нечего. Заросший, взъерошенный, сильно исхудавший, с безумно блестящими глазами, он постоянно что-то бесвязно бормотал, указывая на старый шурф.

Надо сказать, что мой промывальщик, бывший вор-карманник, человек по-своему неплохой, придерживающийся кодекса воровской чести, особой смелостью не отличался. В маршруте он всегда старался держаться рядом со мной, в крайнем случае — на расстоянии голосовой связи. Видимо, оставшись в одиночестве, он вспомнил мой ночной рассказ, сопоставил все это с находкой шурфа с золотом и со страху свихнулся.

Начальнику было не до лечения. Приказав оборудовать лагерь, он тут же стал расставлять шурфовочные спарки. Короче — работа закипела. Мне стоило большого труда уговорить его начать раскапывать старый шурф. Он согласился только потому, что шурф лежал в створе разведочной линии и, рано или поздно, или его, или рядом шурф проходить было нужно. Старые горные выработки проходить вообще не имеет смысла. Стенки сыпятся, выложить породу по интервалам проходки невозможно. Помогло мне то, что основная часть породы из шурфа, видимо, была промыта, так что истинной глубины его не знал никто, кроме нас с промывальщиком, если верить рассказу незнакомца.

Под перевозку породы для промывки определили караван лошадей. И хотя путь неблизкий, вскоре дело пошло. Правда, порода из старого шурфа давала только знаки, в то время как в других шурфах появилось и весовое золото. И это на глубине двух-трёх метров. Начальник доволен. Разметили новые поисковые линии, задали новые шурфы. Я же с нетерпением ждал, что покажет старый шурф. Когда проходчики дошли до глубины семи метров, в нем появилось весовое золото. А когда глубина достигла восьми, я не отходил от шурфа. Сердце почему-то сильно билось, я постоянно курил, чтобы успокоиться, возбужденный крик проходчика из глубины шурфа довел меня до нервной дрожи. Выскочивший наверх по веревке проходчик сказал, что обнаружил в шурфе труп человека.

Нужно сказать, что породы на глубине мерзлые, но так как это был завал, то не такие крепкие, как в целике. Поэтому когда человека откопали, то никто не удивился, что труп хорошо сохранился. К шурфу сбежались все, кто работал рядом. Я долго боялся взглянуть на тело человека, но уже быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы узнать в нем того незнакомца, что приходил ко мне ночью в виде светящегося облака. Каким-то чудом узнал о находке и мой бывший промывальщик, немного уже успокоившийся после нашего приезда. Увидев труп, он снова сильно возбудился, показывал на труп и на меня и кричал, что мертвец приходил ко мне ночью и указал мне, где искать золото. У него выступила на губах пена, он забился в истерике. Его оттащили, связали.

Начальник подошел ко мне и строго спросил, о чем это мой промывальщик только что говорил. Рассказывать ему о моем ночном видении, значит, вызвать еще большие подозрения, более того, меня самого сочтут сумасшедшим. Поэтому я ответил, что промывальщик несет чушь, так как сошел с ума. Просто мы нашли старый шурф и, обнаружив в нем золото, стали раскапывать дальше. Что там засыпан человек, никто не знал. Однако, помня просьбу Дмитрича, тут же попросил разрешения у начальника схоронить покойника как положено. В те годы не принято было хоронить эсков в гробах. Но найденный в старом шурфе человек не мог быть эском. Судя по одежде, вольный старатель, каких немало ходило в Сибири, на Алдане в двадцатые годы. Этот проник дальше, на Колыму, и здесь окончил свой путь.

Мужики курили, негромко переговаривались. Опытные проходчики, они сразу определили, что его в шурфе бросили. В одиночку такой глубины шурф не выкопаешь. Об этом же говорило отсутствие вынудой породы. А обнаруженные в кармане драной шубейки несколько самородков золота указали и на причину того, почему его бросили. Напарнику или напарникам не захотелось тратить время на раскапывание, тем более, делить с ним золото.

Ни у начальника, ни у рабочих уже не оставалось сомнения, что россыпь золота тут есть и россыпь богатая. Возможно, оттого начальник, хоть и неохотно, но согласился похоронить мужика. Из подручных средств мы соорудили что-то вроде гроба. Место для могилы выбрали ладное, на борту долины ручья. Хорошее место, светлое, видное.

Мужики, и я в том числе, выкопали могилу, из отесанных лиственниц сбили большой крест. Пока готовили гроб, копали могилу, труп оттаял, распрямился. Шубейкой мы застелили гроб и положили Дмитрича в рубашке, шапчонку подложили под голову. На сентябрьском скупом солнышке лицо Дмитрича размягчело. Было такое чувство, что лежит в гробу недавно умер-

ший человек, а не вынутый из-под земли и пролежавший там около двух десятков лет. Нашелся среди мужиков и такой, что знал молитву.

И странное дело. Когда прочитали молитву, и невольно перекрестились мужики, почудилось мне, что слегка вздохнул Дмитрич, дрогнули его ресницы, и выражение полного умиротворения застыло на лице.

Схоронили мы Дмитрича и в тот день уже не работали. Начальник уехал с докладом в поселок, а нам разрешил отдохнуть. Увез с собой он и сумасшедшего.

Дней через десять нагрянуло к нам начальство, как геологическое, так и лагерное, во главе с оперуполномоченным. Дела к тому времени шли у нас отлично. Золото перло в шурфах дикое. И хотя по ночам уже хорошо подмораживало, а ручей, куда мы возили пробы, стал покрываться льдом, настроение у всех стояло хорошее. Геологи походили, посмотрели шлихи и велели готовить россыпь к разработке. А опер ходил и расспрашивал у всех про Дмитрича. Долго пытал он и меня. Знаком ли я был с Дмитричем раньше. Называл его опер старателем, но я про себя всегда называл его Дмитричем. Спрашивал меня опер и про то, как нашел я эту россыпь и почему под самый конец сезона. Знал ли я про эту россыпь раньше и почему сначала прошел ее, а потом вернулся. Не хотел ли я скрыть ее от государства.

Лишь потом я узнал, что мой бывший промывальщик, всем пересказывавая мое ночное видение, добавлял к нему разные небылицы. Что чуть ли не я бросил в шурфе старателя, что мы были с ним знакомы раньше. Таскали меня долго. Короче, когда дело до награды дошло, то пригласил меня к себе начальник партии, дал несколько пачек махорки, продуктов каких-то и целый ящик шампанского. Шампанское тогда у нас не шибко жаловали. Спирт-то сильнее и надежнее. И еще сказал мне начальник, что досрочно освободить меня не могут, так как история эта с россыпью какая-то темная.

Сам-то он, это я уже потом узнал, орден получил и на повышение пошел. Ему эта россыпь пользу принесла. Всю зиму ее разведывали, народу нагнали, эков значит, массу. Отрабатывали ее долго, уже после войны закончили. Сколько золота сняли, не знаю. Но то, что много, это все говорили. Ходили слухи, будто целый танковый корпус на золото первого промывочного сезона создали. Так ли это, кто проверит. Да начальство все ордена да премии получили.

А я так и остался прорабом-поисковиком. За годы войны и после нее еще не одну россыпь нашел, но такой богатой больше не доводилось. И взял я себе за привычку, в первых числах сентября, когда впервые мне Дмитрич явился, поминать его. Пить-то я не особо был охоч. Но в тот раз, когда начальник партии дал мне ящик шампанского, я его весь сам и уговорил. Уж больно обида жгла меня. Воли хотелось, так надеялся. А с другой стороны, если рассудить, так все верно. За что мне досрочное освобождение? Ведь я эту россыпь, почитай, пропустил. Мне ее Дмитрич показал. Да, чуть не забыл. То ли я где сказал, то ли случайно это произошло, но назвали этот сухой ручей Дмитричем, а потом и за россыпью это название, утвердилось. Давно я уже не был там. Говорят, крест кто-то по пьянке спалил, может — врут. Не должны же люди могилу рушить. Хотя за эти годы я такого рассмотрел, что и людей-то людьми иногда называть не хочется.

Вот такая она, история, приключилась. А может быть, и впрямь мне все привиделось во сне? Одно хорошо. По-человечески, по-христиански схоронили мы Дмитрича. Жаль, конечно, если крест его сожгли. А промывальщик мой в ту же зиму сгинул. То ли помер, то ли убили.

Копченый замолчал. Костер уже почти угас. Лишь отдельные уголья еще светились в кучке золы. Было прохладно, тихо. Копченый подбросил несколько веточек в костер. Скоро по ним забегали огоньки пламени. Бегающие прерывистые блики освещали медно-темное морщинистое лицо Копченого. И светилось в нем что-то, что заставляло верить в эту историю.

Больше с Копченым я не встречался. Практика вскоре закончилась, я уехал в Магадан и уже никогда на тот участок не возвращался.